

У женщины должен быть лунный
характер,
И чтобы в ней вечно сквозила весна,
Манящая с нею кататься на яхте —
Качели солено-зеленого сна...

*Игорь Северянин.
«Колыбель женственности»*

Я упал с высокого дерева
И вот теперь
Весь поломанный
Валяюсь на травке
Смеюсь.

Егор Летов. «Будда»

*Все действующие лица и события
романа вымышлены, любое сходство
их с реальными лицами и событиями
абсолютно случайно.*

Автор

Пролог

Осторожно провернув ключ, человек открыл дверь, шагнул внутрь и замер, прислушиваясь. Все было тихо; слабо горел пульт сигнализации. Человек постоял, привыкая к темноте, — через пару минут он стал различать предметы: полированный стенной шкаф с зеркальными створками, тумбу с сине-красной, расписанной драконами китайской вазой, больше похожей на таз, заполненной одуряющей ароматической смесью, растительной трухой из сена и стружек — резкий запах ванили и корицы шибанул в нос. У него заслезились глаза и запершило в горле, и он испытал мгновенный приступ ярости, с трудом подавляя желание сбросить таз на пол и растоптать.

Он пошел по коридору, медленно ступая по скрипящему паркету; остановился у двери в спальню; постоял, прислушиваясь. В доме стояла густая, вязкая тишина; запах ванили и корицы здесь ощущался слабее, но проступил явственный душок сандала от индийских свечей, которые здесь жгли каждый вечер. Прикрыв рот, он неслышно кашлянул, избавляясь от неприятного шерстяного комка в горле.

Дверь была приоткрыта; он подошел к ней вплотную и прижался ухом. Ему показалось, он различает дыхание спящего человека. Постояв, словно решаясь, он потянул за ручку и проскользнул внутрь.

Спальня была набита тумбочками с фарфоровыми фигурками детей, котов и собак, перламутровыми картинами с цветущими сакурами и женщинами в кимоно, пуфиками, пушистыми ковриками из искусственного меха и настенными светильниками. Через окно с отдернутой шторой падал слабый свет уличного фонаря, в нем угадывались стенные шкафы до потолка и в центре громадная, как помост, деревянная кровать с высоким резным изголовьем. Закрыв глаза, он мог описать эту комнату в деталях, которые знал наизусть. На прикроватной тумбочке мерцал ночник — бронзовая статуэтка обнаженной женщины с матовым шаром в поднятых руках. На плоской подушке лежала голова женщины — на ее лоснящемся от крема бледном лице выделялись густые черные брови, крупный торчащий нос и узкий рот, напоминавший щель; диссонанс с лицом являли крупные разноцветные бигуди, забранные под сетчатый чепчик; руки ее были сложены на груди. Если бы не легкое похрапывание, можно было бы подумать, что женщина мертва.

В ее ногах лежала на пестрой велюровой подушке роскошная персидская кошка, дымчато-серая, с желтыми глазами. Подергивая ушами, она настороженно уставилась на чужака.

Человек рассматривал лежащую в кровати женщину со смешанным чувством любопытства и злобы. Женщи-

Кто там прячется во мраке?

на вдруг открыла глаза, и долгий миг они смотрели друг на друга. Мужчина резко втянул воздух и отступил назад. Женщина, не проснувшись, закрыла глаза, и он перевел дух. На цыпочках подошел к кровати, протянул руку и, придерживая кошку одной рукой, другой вытащил из-под нее подушку. Кошка недовольно зашипела и ударила его лапой. Он выругался сквозь зубы и лизнул царапину. В следующий миг он накрыл лицо спящей подушкой и с силой прижал...

Глава 1

Всем сестрам по серьгам

Одежда делает человека. Голые люди имеют малое или вообще нулевое влияние на общество.

Марк Твен

Девочки уселись кто на диван, кто в кресло; опоздавшая Сандра Сахно примостилась на низком пуфике. Сандра всегда опаздывает, за что получает плюхи от Регины Чумаровой, хозяйки Дома. Если быть точным, то хозяйки наполовину, так как вторая половина бизнеса принадлежит ее деловому партнеру – Игорю Нгелу-Икеара.

Дом моды так и называется «Икеара-Регия», в честь обоих совладельцев. Между ними существует договор: каждый занимается своим делом, уважает суверенитет и держится в рамках при близком общении. Короче говоря, не лезет в дела коллеги своими грязными лапами. Кесарю – кесарево, а каину – каиново, как говорится. Игорю – дизайн, Регине – финансы, цифирь и отчеты, а посередине – жирная красная полоса. Насчет рамок при близком общении... ага, разбежались! До драк, бывает, тоже доходит, когда

Кто там прячется во мраке?

не хватает слов и выражений. Творческий процесс, как правило, непредсказуем, импульсивен и чреват взрывом. Зачинателем всегда выступает Регина: ей нравится распускать руки и часто не хватает слов.

А Игорь, Игорек... художник в стиле фэнтези, карикатурист, делающий мгновенные, очень похожие карандашные шаржи, и успешный дизайнер одежды, тонко чувствующий стиль и удачно сочетающий в фасонах и расцветках сочный африканский фольклор и экзотику с европейской прохладной сдержанностью и утонченностью. Созерцателен, высокомерен, спокоен. Словарный запас нормальный, плюс богатая мимика — приподнятая бровь, ироническая кривоватая ухмылка, взгляд... Даже поза! Выразительнее всяких слов.

У этих двоих долгая история драк, поражений и побед. В свое время Игорек работал в Доме моделей Регины, бывшем трикотажном ателье, которое называлось «Регина» и выдавало на-гора неуклюжую продукцию, главным достоинством которой была дешевизна. И тут вдруг случился Игорек! Феерический показ в День святого Валентина, шикарные модели, шикарные девушки...

Регина была потрясена, но делала вид, мол, подумаешь, мы и сами с усами, а *Чертушка* пусть знает свое место и не забывается, а то, понимаешь, возомнил из себя!

Игорек стал чем-то вроде талисмана для Дома моделей. Грубиянка Регина поверила в него безоговорочно и так же ему подчинялась, хотя постоянно давала понять, кто в доме хозяин... хозяйка! Она не была бы Региной, если бы по привычке не скандалила с дизайнером и не кричала, что он ее разорит своими дурацкими причудами. Об этом уже

упоминалось ранее. Но Игорек, молодой человек с мягкими, кошачьими манерами, стоял насмерть, защищая свои модели и не соглашаясь на более дешевые ткани или аксессуары.

— Надо держать марку, — повторял он твердо.

Но в конце концов в один прекрасный момент он не выдержал, плюнул и уехал в столицу. Через пару лет, не преуспев, вернулся, и они встретились как старые, давно расставшиеся любовники, зорко отмечая признаки беспощадного времени: новые морщинки, лишние килограммы, седые волосы. Регина — ревниво, Игорек — с ухмылкой. И начался великий торг.

— Вернусь только на своих условиях, совладельцем, — заявил Игорек.

— Очень надо, — парировала Регина. — В гробу мы таких видали, ишь, замахнулся, губа не треснет?

— Тогда большой привет, — отвечал он, — я тебя тоже видал в белых тапках. Прогоришь, коллега, модели твои так себе, продаются через пень-колоду, дизайнер слабоват. А помнишь *наш* День святого Валентина? Триумф, фурор, восторг! Эх, было время...

Тяжеловес Регина испепеляла его яростным взглядом, Игорек ухмылялся и танцевал мотыльком. Оба выжидали, кто первым моргнет. Из всего вышеизложенного даже самому неискушенному в интригах человеку ясно, кто оказался первым...

В итоге ателье «Регина» превратилось в Дом моды «Икера-Регия», и было заключено соглашение о невмешательстве, красных линиях и грязных лапах. Игорек придерживался условий — финансы его утомляли; Регина же перла

Кто там прячется во мраке?

буром и при каждом удобном случае орала, как раненый бегемот. Причем слов при этом не выбирала. Психотип у нее такой. Игорек, сложив руки на груди, был спокоен, как охотник-масаи, его предок, выслеживающий этого самого носорога. Цедил слова, изредка роняя: «нет, не согласен»; «я все сказал»; «или так, или никак». Покричав, Регина доставала из тумбы письменного стола бутылку виски, блюдце с кружочками лимона, и они пили мировую.

— Очень неприятная особа, прямо хабалка, — однажды поделился Игорек с другом, профессором философии Федором Алексеевым. — Даром что прекрасный пол. И похожа на бегемота — тонна весу, дурной рев и подлючий характер...

— Знаешь, мне кажется, вы друг друга дополняете, — ответил ему Федор. — Регина вроде допинга — после скандалов твой потенциал дизайнера раскрывается, как бутон экзотического цветка. Не замечал?

Игорек задумался и не сразу сказал:

— Это ты мне как философ? Очень интересная мысль. Я подумаю. А ей какая польза?

— Она прекрасно знает тебе цену, но не хочет признавать, потому орет и топает ногами. Но в итоге всегда принимает твою точку зрения.

— *Тупа* в лом сразу капитулировать?

Федор развел руками...

Да, так о чем мы... Девушки примостились на диване и в кресле, Сандра — на пуфике, Регина — за письменным столом, а Игорек, сложив руки на груди, в немислимо изящной позе — слегка опираясь плечом о стену, — сбоку, рядом

с большим фикусом. Игореk, с его коричневой лоснящейся физиономией, гладко-обритым сверкающим черепом с мощной затылочной костью и безукоризненно белыми крупными зубами, был необычайно хорош собой. Добавить сюда запредельной красоты лиловый пиджак из тонкой лайки с большими пуговицами черного серебра и белую блузу с рюшами и блестками по вороту; ну, еще всякие мелочи-аксессуары, вроде тончайшего кашемирового шарфа фисташкового цвета, небрежно обмотанного вокруг шеи, и серьги в левом ухе – серебро и аметист...

Регина бросала на него скорые завистливые взгляды, пытаясь запомнить детали костюма, в то же время понимая, что запоминай не запоминай – без толку, так как ни кожаный пиджак, ни шарф в несколько слоев на ней не «прозвучат». Тем более рюши. И вообще, что можно высокому гибкому Чертушке, ей, Регине, похожей на обрубок, зась. Тем более, будучи женщиной прямой и бескомпромиссной, ужимкам и ухмылкам не обучена. С нее достанет и белого жакета с короткой юбкой, а в качестве аксессуаров кило золота: на груди, в ушах и на руках. «Падла!» – привычно подумала Регина, сжимая кулаки.

...Она сидела, прочно установив локти на стол – крупная, широкая, с мощными плечами борца, – и рассматривала девушек. Они, в свою очередь, не сводили взгляда с ее лица. Их было четыре. Четыре модельки... и один парень-унисекс, отличимый от них только здоровенными ботинками, которые не наденет даже самая продвинутая девушка. А так и не скажешь, кто есть кто.

Сейчас автор представит их.

Кто там прячется во мраке?

Прима, любимица Регины, ее правая рука и доносчица Снежана Рубович. На самом деле она Людмила, но имя Снежана подходит ей больше. Это высокая кукольно-красивая платиновая блондинка с глазами цвета арктического льда. Неулыбчивая, высокомерная, холодная... Снежная королева. С гладко зачесанными, собранными в узел волосами, в голубом коротком платье, с колье белого металла с синими камешками на тонкой длинной шее и с такими же серьгами; острые коленки, ногти, покрытые опаловым лаком...

Рядом ее подруга, Тамара Голик, широкоскулая и зеленоглазая, с веснушками на переносице и прямыми рыжими волосами до плеч, в черных брюках и длинном зеленом свитере. Чувствуется их обособленность — они здесь давно, в отличие от сидящей в кресле Алины Ким: узкоглазой, невозмутимой, молчаливой девушки, по-мальчишески плоской, со скупыми движениями и ротиком обиженной рыбки. Она сидит очень прямо, смотрит в окно, руки сложены на коленях. Чувствуется, что здесь лишь ее телесная оболочка, а дух витает в иных сферах.

Четвертая — Сандра Сахно, экзотическая мулатка, та, что всегда опаздывает, — примостилась на пуфике. Здесь есть на что посмотреть: пышная черная грива, тяжелый грим, карие глаза слегка навывкате и крупный сочный рот. Одежда под стать: красный балахон и сверкающее бижу на шее, в ушах и на руках. Она напоминает новогоднюю елку, подвижна, гибка, любит петь, все время мурлычет какой-то напев и даже слегка пританцовывает в такт. У нее громкий низкий голос, резкий бесшабашный характер, она завсегда

тай баров и клубов и неразборчива в знакомствах. Протеже Игорька, между прочим. Он наткнулся на девушку в каком-то баре и был очарован ее пластикой и непосредственностью – она попыталась танцевать на столе, и ее выперла охрана. При этом Сандра сопротивлялась и заворачивала словеса, которые и повторить-то неудобно.

Регина, разумеется, встала на дыбы, но Игорек сказал, что им нужен импульс, драйв, новые лица и формы, а еще праздник, поэтому Сандра остается. Специально для нее была подготовлена феерическая коллекция, которая произвела фурор на показе. Не то чтобы все сразу кинулись покупать зубодробительных расцветок пышные юбки и блузки с оборками и рюшами, но смотрелось это замечательно.

У двери стоит вялое, бледное недокормленное существо без пола, не то мальчик, не то девочка. В широких черных штанах али-баба с мотней до колен, в черном свитере с клобуком и в громадных ботинках. Выбритые виски, серьга – черный крестик в левом ухе – и проколотая левая ноздря, тоже с черным крестиком, но поменьше. Все-таки мальчик. Молодой человек, Юлиан Крещановский, бывший танцор кордебалета, – также приобретение Игорька. Незаменим для демонстрации унисекс-моделей. Юлиан. Юлька. Молчалив, в ушах наушники-затычки, или «арматура», взгляд отсутствующий. Регина фыркает и называет его недоделанным папуасом.

Все, кажется? Нет, еще одна девушка полуспряталась за гигантским гибискусом с красными цветками. Это Анна Кулик, студентка педуниверситета и по совместительству

Кто там прячется во мраке?

уборщица на полставки. Присутствует Анна на летучке, так как Игорек по странной фантазии решил выпустить ее на подиум и приставил к ней Алину в качестве инструктора.

— Совсем уже? — вызверилась Регина, услышав новость. — Она же как корова — ни статья, ни сесть, едва ноги волочит. На хрен?

— Надоел гламур, хочется простоты и свежести, — поделился Игорек. — Выпущу в паре с Юлькой, прямо вижу, как они идут и держатся за руки... дети-цветы!

— И хрен поймешь, где кто! — фыркнула Регина. — А ушито, уши!

— Именно! Стирание граней между полами — мировой тренд, англичане насчитали целых шестнадцать...

— Кто бы сомневался, — перебила Регина. — А пол мыть кто будет?

— Она справится, — заверил Игорек.

Анна... Аня, щуплая, дробная, стриженная почти наголо блондинка в джинсах и синей футболке с блестящим сердечком на груди, стеснялась и старалась занимать как можно меньше места. Игорек ей нравился, он всегда здоровался первым и расспрашивал, как ей работается. Регину она побаивалась и, заслышав начальственный рык, ныряла в первое попавшееся укрытие.

Алина Ким больше молчала, улыбалась своим ротиком обиженной рыбки и добросовестно показывала, как *нужно* двигаться: идти, ставить ступни, крутить кормой и плечами, поворачиваться, куда смотреть и девать руки. С Алиной было легко, от нее исходили флюиды покоя и доброжелательности.

Сандра хлопает Аню по спине и, хохоча, орет: «Анька, сложи *ухи*, а то улетишь!», намекая на худобу девушки и оттопыренные уши. Звучит это ни капли не обидно, Сандра — добродушная девушка. Снежана и Тамара Аню не замечают вовсе. Почти не замечают.

Персонал Дома собрался для последнего инструктажа-накачки перед весенне-летним показом, назначенным на послезавтра. Показ — знаковое событие: ожидаются высокие гости, пресса, бизнес, конкуренты вроде кутюрье Рощенко, пропади он пропадом, и просто покупатели. Любую понравившуюся модель можно заказать до того, как версия *pret-a-porter* поступит в магазин.

Шоу готовит Игорек, а Регина путается под ногами и вмешивается. Они общаются на повышенных тонах и хлопают дверьми. Регина хочет видеть всю программу, но на вчерашний прогон ее не пустили: сюрприз! Конечно, она знает о замыслах Игорька от Снежаны, но он не так прост, и Снежане известно далеко не все. Игорек тот еще интриган.

— Не вздумайте опоздать! — Регина ляпает по столу ладонью. — Никаких посиделок до утра! Выспаться, не жрать, не пить, бойфренда послать на... э-э-э... подальше. Все ясно? Вопросы?

Вопросов не было. Регина говорила еще минут десять, пока не выдохлась.

— Всем ясно?

Это был последний аккорд. Девушки зашевелились. Сандра вскочила с пуфика и потянулась; Алина сказала «до свидания» и вышла; Аня выскользнула вслед: Юлька проводил ее бессмысленным взглядом, вытащил затычку

Кто там прячется во мраке?

из одного уха и взглянул на Игорька, тот кивнул, парень кивнул в ответ и, не прощаясь, направился к двери. Игорек наклонился к Регине:

– Прекрасное выступление, Регина. Кажется, обсудили все. Если я тебе не нужен...

– Останься! – приказала она. – Остальные свободны.

Снежана неторопливо поднялась, поправила прическу, одернула платье; движения ее были грациозны – она напоминала породистую кошку. Тамара тоже встала. Девушки попрощались и вышли.

– Ну! – Регина устала на Игорька.

– В каком смысле? – ухмыльнулся дизайнер.

– Мне твои сюрпризы во где! – Регина резанула себя ребром ладони по горлу. – Имею право знать. Покажи запись!

– Какую запись? – Игорек откровенно издевался. – Ничего нет, так, кое-какие рабочие материалы...

– Ага, так я и поверила. Имей в виду...

– Давай не будем нарушать конвенцию, – перебил Игорек. – Я когда-нибудь подводил Дом? Ты у нас финансовый гений, вот и не... – Он хотел сказать: «Не суйся», но передумал и вместо этого сказал: – У нас еще день, есть кое-какие сыроватые места, нужно доработать. Если у тебя все, я пошел.

– Подожди. – Регина вытащила из тумбы бутылку «Джонни Уокера» и стаканы, разлила. – Примем за успех. Первая, как говорится, колом! – Она махом опрокинула стакан; Игорек медленно цедил, глаза его были закрыты. Он устал, ему хотелось домой – подремать в теплой ванне с пе-

ной до потолка, отхлебывая из стакана и закусывая лимоном.

– Лимона нет? – спросил он.

– Забыла купить. – Регина снова потянулась за бутылкой. – Вторая соколом!

– Мне хватит. – Дизайнер убрал стакан.

– Тебе обязательно все изгадить? Ну вот что ты за человек такой?

Игорек скользнул взглядом по отдутловатому лицу соратницы, мешкам под глазами, обвисшим брылям щек и отвел глаза.

– Что, старая? – Регина заметила его взгляд.

– Ну-у... Тебе бы гимнастикой заняться, бегать по утрам и не... – Он осекся.

– Да пошел ты! – Регина опрокинула стакан, резко выдохнула. – Хорошо пошла, зараза. Свободен! Иди, работай.

Хозяйка! Игорек только головой покачал...

Глава 2

Из дневника отличницы

«Игорек хочет, чтобы я выступила на показе. Я отказалась. Он настаивает...»

Аня оторвалась от экрана компьютера и задумалась. Ну какая из нее модель! Даже не смешно. Снежана – красотка, Тамара, Сандра, Алина... а она, Аня, другая. Боится людей – при одной мысли, что нужно пройти по длинному помосту,

Кто там прячется во мраке?

а вокруг зрители перешептываются, фотографируют, смотрят осуждающе, — чуть не падает в обморок... ужас! Смеются! Скажи она девочкам из группы, что ее отобрали для показа, ни за что не поверят. Они и не мечтают о таком счастье, а она отказывается. Дура ты, Анюта! Игорек говорит, нужно хватать все, что идет в руки, ни от чего нельзя отказываться, это жизненный опыт...

— А ты сидишь в норке как... *мидия!*

Аня невольно рассмеялась:

— Может, улитка?

— Какая разница, — махнул рукой Игорек. — Алина тебя поднатаскает, ты как с ней?

— Нормально, — пожала плечами Аня. — Она хорошая.

— Ты слишком зажатая, кого боишься? Ты именно то, что мне нужно. Гламур и ботокс приелись, хочу естественности. Заметила, в современных фильмах актрисы почти без грима? Все девчонки мечтают стать моделями...

— Я не мечтала, — сказала Аня. — Я хочу быть учительницей.

— Одно другому не мешает, — ответил Игорек. — И деньжат побольше... в смысле, добавлю за участие. Пошли, покажу модели, ты такого еще не видела.

— А Регина Павловна?

— Боишься? Не твоя забота. Сменим имидж, цвет волос, подберем гамму... Ты как с Юлькой?

— Нормально. Он меня не замечает.

— Он никого не замечает. Присмотришь, какая пластика — не ходит, а плывет! Танцует.

— Уж скорее Сандра!

– Э, нет! Сандра приплясывает, потому что душа поет, а у Юльки грация кота, от выучки. Он танцует с трех лет, работал в театре оперетты, фестивали разные, шоу... Разбился на байке и вылетел. Стал пить...

«Игорек кого хочешь уговорит. Да и самой хочется попробовать, если честно. Страшно и тянет! Не верится... Представляю, как иду, и страшно! Все смотрят, перешептываются, удивляются. А я как... как... не знаю! Они все красавицы, даже Сандра с ее лишними кгээ. А я иду! Даже дух захватывает. Господи, не упасть бы! Они иногда падают, Сандра рассказывала. Снежана однажды чуть не упала... Снежана – принцесса, модель фантастической красоты, атлас, кожа, шелк... цена запредельная. Тамафа попроще, барышня-крестьянка, подружка Снежаны, заглядывает ей в рот и подражает, но не сильно получается. Алина, как статуэтка слоновой кости, спокойная и созерцательная, недаром у нее кличка Будда. Сандра... Ох уж эта Сандра! Шумная, бесцеремонная, нахальная. И унисекс Юлька. Регина Павловна называет его папуасом... непонятно почему. Наверное, и у меня есть кличка... Игорек, например, Чертушка. Тамафа... не знаю! Ее не очень любят, Сандра говорит, она – шестерка, стукачка. Алина называет меня «воробей». Она очень спокойная и терпеливая, Сандра говорит, у нее нервы как у слона. Азия! По десять раз показывает, как надо, а я деревянная, честное слово! Никогда не думала, что пройти туда-сюда так трудно. Подбородок, руки, колени, плечи... Взгляд! Не смотри в зал – собьешься, представь, что их нет, ты одна! Главное, не смотреть на их лица! Интересно, какие модели у меня? У Игорька модели... странные, если честно! Буффонада, фэнтези, буйство красок... африканская кровь, не иначе... И любимые цвета: лиловый, желтый, белый и черный. Вернее, не белый, а всякие оттенки «под». Их, оказывается, десять

Кто там прячется во мраке?

ки: белый, кремовый, слоновая кость, магнолия, морская раковина, бежевый, снежный, дымчатый, белый призрак, цветочно-белый, лен, молоко. И так любой цвет. Конечно, не только буффонада – для Снежаны, например, сплошная элегантность, дух Милана и Парижа... никакой Африки и солдатских ботинок. А что, интересно, для меня? Что-нибудь под мальчика: короткие брюки, ботинки, здоровенный жакет, клетчатая мужская рубашка оверсайз до колен, кеги... Гаврош! Недаром он спросил, как я с Юлькой. Меня часто принимают за мальчика, особенно сейчас, с этой стрижкой...»

– Анюта, ты чего думала? – удивился протрезвевший дядя Толя, на третий день заметив ее новый облик. – Вроде на пацана похожа... раньше было лучше. С какого перепугу?

Дядя Толя – муж маминой сестры тети Лии. На самом деле она Аглая. Дядя Толя называл ее Лайкой и говорил, что с удовольствием посадил бы на цепь. Тетя Лия могла исчезнуть из дома на неделю или на месяц, а однажды вообще не вернулась, и они остались одни. Ей, Ане, было тогда четырнадцать. Дядя Толя – свободный художник и на все руки мастер: пишет вывески и портреты, льет чугунные оградки, кладет печи и режет кладбищенские памятники. Неплохо зарабатывает, но пьет. Аня сначала боялась, когда он лежал на полу, не сумев добраться до дивана, – ей казалось, что он умер. Но потом привыкла. Наутро отпаивала рассолом и заставляла поесть, прятала водку, выговаривала, как малому ребенку. Дядя Толя каялся и клялся, что все, завязывает, иногда плакал и жалел ее, Аню, держался неделю-другую – и опять срывался. От тети Лии через два года пришло письмо из Торонто: жива, здорова, работает в театре-кабаре, домой пока не собирается. Она – певица.

«Надо же, куда залетела», — удивился дядя Толя и поспешил в магазин за водкой.

Спрашивается, а почему жалел? Когда Ане было семь, а брату Саше двадцать два, их родители погибли в аварии. Говорили, солнце ослепило, и машина врезалась в холодильник. Папа был за рулем... Она долго не могла поверить, что их больше нет. Были закрытые страшные гробы, которые закопали в землю и положили сверху венки. Она прижималась к Саше, он обнимал ее, словно оберегал. Она была растеряна и не плакала. Тетя Лия плакала, дядя Толя держал ее под руку. Потом они сидели за столом — Саша сказал, поминки; потом гости ушли и остались только свои. Она ушла к себе в комнату, а они еще долго сидели. Через два дня все уехали, и они с Сашей остались одни.

Саша... Умный, добрый, работяга... Дядя Толя говорил, что Сашка мог запросто отдать ее в какой-нибудь интернат, спихнуть с глаз долой и не тянуть семью, учебу, работу, молодой ведь парень, в соку. «Саша никогда не отдал бы меня, — кричала Аня, глотая слезы. — Слышишь, никогда!» — «Это я к примеру, — говорил дядя Толя примирительно, — я ж понимаю, свое ж дите, а Сашка золотой человек был, жаль, рано ушел. Надо помянуть, эх, жизнь наша подлая...»

Саша умер от сердечного приступа, когда ему было двадцать четыре, а ей девять. У него была невеста, готовились к свадьбе, а он взял и умер. Причем никогда никаких проблем с сердцем. А ее, Аню, забрали тетя Лия и дядя Толя. Они жили в Зареченске...

Тетя Лия — очень красивая, яркая, от нее всегда приятно пахло. А дядя Толя на полголовы короче, лысоватый, с носом, как у артиста Леонова. Аня как-то спросила у мамы,

Кто там прячется во мраке?

почему тетя Лия вышла за него замуж, неужели не могла найти кого-нибудь покрасивее? А мама ответила: «Пусть спасибо скажет, что попался приличный и добрый человек, а не свистулька, как обычно». Дядя Толя не был свистулькой, он действительно добрый и приличный, но пил. Выпив, становился веселым, смеялся, рассказывал всякие смешные истории про заказчиков, а потом вдруг умолкал на полуслове и засыпал прямо за столом. И ни скандалов тебе, ни драк, ни злобы. Она вытаскивала его из-за стола и, приговаривая: «Осторожненько, держись за меня, вот сюда, смотри под ноги», отводила в спальню, укладывала в кровать и укрывала одеялом. С облегчением и чувством выполненного долга смотрела на него, спящего: доставила, теперь с ним ничего не случится — не упадет, не разобьется, а мирно проспит до утра...

Год назад она уехала из Зареченска, вернулась в город, где родилась, где остались родители и Саша, и поступила в педуниверситет. Дядя Толя часто звонит, скучает; подкидывает на жизнь, но она отказывается брать: стесняется. Берет, конечно, но ей стыдно. Дядя Толя приехал в гости, рассмотрел крошечную квартирку на окраине, которую она снимает с девочкой из их группы, сказал, что она похудела, стала совсем прозрачная, наверное, ничего не кушает. Накупил продуктов, пригласил в ресторан, выпил прилично; на другой день они вместе сходили на кладбище, положили цветы и посидели у могил. Памятники и оградки — работа дядя Толи. У родителей парный памятник черного мрамора, у Саши гранитный. Строго, без излишеств, без фотографий — так хотела мама, даже оставила письмо Саше, на всякий случай, мол, никаких фотографий, они еще посме-

ялись... А через два года их не стало. А на Сашином фотография есть — дядя Толя постарался, — брат как живой. Он с улыбкой смотрит на нее, и Аня мысленно рассказывает ему про себя.

Дядя Толя выпил и заплакал, сказал, что вот так и проходит жизнь и ничего не остается, только кусок камня и две даты. После водки его тянуло философствовать. Раньше — смешные истории, сейчас — разговоры за жизнь...

Она нашла работу в Доме моды — повезло, можно сказать, причем совершенно случайно. Пришла спросить, а там, оказалось, только ее и ждали. Уволили накануне менеджера по уборке и курьера, как сообщил ей при входе здоровенный мужчина в бордовой униформе. Так что иди давай, спроси у начальницы.

Регина с сомнением рассмотрела соискательницу и спросила:

— А потянешь? Уж больно ты хлипкая! Совершеннолетняя? Паспорт есть?

— Потяну! — пообещала Аня. — Честное слово! Мне уже девятнадцать. Скоро двадцать!

Трудновато, конечно, учеба и работа, но это ничего, она справится. Зато интересно. Девушки такие... потрясающие! Регина Павловна, конечно, с характером, и Аня старается не попадаться ей под ноги. Игорек славный. Всегда расспросит, как ей у них, как учеба, потрогает за плечико, возьмет за локоток, улыбнется. Ладочки розовые, похоже на дизайн. Его все любят, а Регина побаивается. Так ей, Ане, кажется. Хотя орет так, что слышно на улице. Он все с улыбочкой: руки сложит на груди, смотрит молча, а ее просто бомбит. А одет как! Торчит на шарфах и лайке: у него целая кол-

Кто там прячется во мраке?

лекция лайковых пиджаков и шарфов. Дизайнер от Бога! Чувствует «натуру», говорит Сандра, видит баб насквозь, в его шмотках любая клизма засверкает. *Они* все такие, мода на *таких* держится... в смысле, гм, это самое! Сандра многозначительно закатывает глаза и трясет головой...

Месяц назад Игорек отвел Аню в сторонку и сказал, что хочет выпустить ее на подиум. Подумай, сказал, новый опыт, у меня интересные мысли и задумки, не отказывайся! И ушел, не слушая возражений...

...Аня сидела на низкой скамеечке в загородке у Саши, рассказывала брату про Дом моды и неожиданное предложение дизайнера Игорька.

— Знаешь, Сашенька, мне так страшно! И радость тоже — что-то новенькое, девчонкам из группы пока не сказала. А вдруг не получится... Зато потом покажу фотки и расскажу. Они не поверят! Игорек сказал, если что-нибудь понравится, можно купить задешево. И распродажи для своих. К его моделям не подступиться, а тут можно! Он хороший, добрый, всегда скажет что-нибудь, расспросит... Саш, что мне делать?

«Чего тут долго думать. — Саша смотрел на нее с улыбкой. — Конечно, соглашайся, человек не должен отказываться, в жизни все надо попробовать».

Аня кивнула: совсем как Игорек. Поставила принесенные цветы — свои любимые синие ирисы — в мраморную вазу, попрощалась с Сашей и медленно пошла к главной аллее, туда, где памятник родителей. Синие ирисы... Она не знает, какие цветы любил Саша, — не успела узнать — и всякий раз мысленно извинялась перед ним. Синие ирисы красиво смотрелись на фоне зеленовато-серого, со слюдяными выверками гранита...

Глава 3

Парад монстров

Талии — кубки.
Ногти — в глянце.
Крашенные губки
розой убируются¹.
Упадая с высоты,
пол метут шлейфы...

В. Маяковский.
«Красавицы»

Зал был полон. В первых рядах — Регина Чумарова, главные особы города, мэр с супругой — всем известна его маленькая слабость открывать все подряд и перерезать ленточки: от детской площадки до Дня города; богатые и знаменитые, спонсоры, а также пресса в лице культового журналиста Алексея Добродеева. Читателю он, возможно, знаком под именем Лео Глюка. Рядом с ним дипломированный мастер художественной фотографии, лауреат многих премий, в том числе зарубежных, Иван Денисенко. Тут же конкурент Дома, кутюрье Рощенко, полный зависти и скепсиса, в своей обычной красной бейсболке козырьком назад. Публика — в основном женщины — пребывает в состоянии эйфории и ожидания чудес. Негромкие голоса, стук стульев, смех,

¹ У б и г а н и т ь с я — глагол, придуманный Маяковским, производное от названия французской парфюмерной фирмы «Убиган» (Houbigant).

Кто там прячется во мраке?

шелест программок; едва слышная музыка, где-то очень далеко, классика...

Игорек Нгелу-Икеара стремительно проходит по длинному помосту; его встречает шквал аплодисментов. Он стоит, немисливо красивый, в белом костюме, его гладко обривая голова сверкает в свете люстры. Он протягивает вперед руку с розовой ладошкой, призывая к тишине, и начинает свой спич:

— Дорогие гости! Дамы и господа! Позвольте мне поблагодарить всех вас за интерес и поддержку, которые «Икеара-Регия» чувствует головой, сердцем и нервами. Надеюсь, мы не подведем и не разочаруем. Наше представление в двух частях: фантазмагория, навеянная Венецианским карнавалом, и реалити-шоу. Виват! Виват! Виват!

Он поклонился — зал утонул в овациях; Иван Денисенко зашелкал камерой; Леша Добродеев возился с мобильным телефоном, мысленно чертыхаясь — что-то там заклинило. Регина не выдержала и поднялась. Служитель подскочил к ней с микрофоном. Игорек протянул руку и втащил ее на подиум. Она стояла рядом с ним: крупная, широкая, большеголовая, тоже в белом костюме, в красных туфлях на высоких каблучках. С багровым лицом и сбитым дыханием — запыхалась, пока лезла наверх. В глазах светилось торжество — вставила фитиля Чертушке! Ее выступление в программе не предусматривалось. Они стояли рядом, плечом к плечу, заклятые соперники-партнеры.

— Дорогие мои! — Регина взмахивает рукой. — Это знаковое событие останется в истории города навсегда. Что я хочу сказать... — она слегка запнулась. — Э-э-э... вы увидите

феерическое шоу, в которое мы вложили всю душу! Да! Всю душу! А помните... помните, как начинался Дом? Помните? Позвольте напомнить! Он тогда назывался «Регина»! Сколько... воды с тех пор... даже не вспомнить! До слез!

Игорек шевельнулся и потянул носом; улыбка сползла с его лица. Если *мадам* ударяется в воспоминания, то это долго. Кроме того, от нее тянет виски – не выдержала, приняла от волнения. Игорек обнимает ее, прижимает к себе, целует руку и проникновенно произносит:

– Наш Дом – заслуга вот этой замечательной женщины, ее усилий, воли, дерзаний! Вы все ее знаете! Ваши аплодисменты, господа, Регине Чумаровой!

Он снова целует опешившей Регине руку и уволакивает ее с подиума. Она до того растерялась, что безропотно уходит. Их сопровождает новый шквал аплодисментов.

– Она чуть не упала, видели? – злорадно шепчет кутюрье Рощенко соседу. – Говорят, пьет как лошадь, не понимаю, зачем ее выпускают!

Классическую музыку сменяет галоп. На подиуме, подпрыгивая в ритме мелодии, появляется странное существо с головой жирафа: длинная шея, желтая с коричневыми пятнами голова, уши и рожки. Секундой позже – новое существо с головой зебры: резкие черные полоски и черная грива. На существах белые курточки из искусственного каракуля с короткими рукавами, кюлоты чуть ниже колен, на тонких ножках громадные ботинки на толстой подошве. Они допрыгивают до конца подиума и кланяются. Их встречают гром аплодисментов и хохот. Некоторые привстают, чтобы рассмотреть получше. Непрерывно щелкают камеры и айфоны. Кляц-кляц-кляц...

Кто там прячется во мраке?

Жираф и зебра упрыгивают за ширмы. На смену им марширует высокая девушка в ботфортах, в пышной черной с белыми полосами юбке с четырьмя разрезами и черном лифчике, усыпанном блестками; на лбу у нее обруч с торчащими рожками, на лице черная сверкающая маска. Она похожа на робота: движения ее скупы, выверены, бесчеловечно совершенны.

Мгновенная тишина — и снова взрыв аплодисментов.

Девушку в маске сменяют три новые — в шляпках-кастрюлях с полупрозрачной вуалью, закрывающей лицо; сверху прозрачный черный бант; на них длинные узкие юбки с высокими разрезами спереди и сзади, на плечах черное в блестках болеро фасона «летучая мышь», а на ногах высокие шнурованные ботинки. Движения девушек синхронны, глаза таинственно сверкают под вуалью, ярко-красные губы выделяются резким пятном. Они удаляются в сопровождении аплодисментов.

Их сменяет пара карикатурно тонких, стриженных почти наголо, с мертвенно-белыми лицами существ — ни бровей, ни ресниц; громадные рты, покрашенные бордовой помадой; на скулах — сердечки и блестки, вокруг глаз — черные круги. Они наряжены в серо-синие пышные полупрозрачные шифоновые платья с рукавами, как крылья; оба босы, с красным лаком на ногтях. Идут, держась за руки. У одного заметно оттопыренные уши.

Мгновенная тишина — и тут же вопли «браво» и хохот!

Дальше выход девушки в черной короткой кожаной юбке и лиловом свитере с пышными рукавами-буфами; ноги в черных непрозрачных чулках чуть выше колен тонкие и кривые; поверх чулок видна полоска голой кожи. Ботинки.

Аплодисменты!

Еще одна девушка-соло в расклешенной куртке под леопарда и такой же юбке, на голове соломенная шляпка с широкими полями и большим красным цветком спереди. Она проходит, приплясывая и покачивая бедрами; развеваются полы, открывая символический топ на бретельках и коричневую кожу. На ее шее раскачивается маятником сверкающий медальон на длинной массивной цепочке.

— Не могу понять, — говорит Леша Добродеев, наклоняясь к Ивану Денисенко, — что это? Какое-то гениальное уродство! Как тебе?

— Супер! — Иван показывает ему большой палец, не отрываясь от камеры. — Восторг, встряска. Все осточертело, а тут смотрел бы и смотрел! Зрелище! Ну, Игорек! Порадовал старика. — Насчет старика, конечно, кокетство: Иван — мужчина в соку и самом расцвете.

Снова тонкая бледная парочка существ без пола. Впереди то, что повыше, за ним второе, пониже. Первое с зелеными торчащими на голове перышками, второе с розовыми. Лица раскрашены сообразно в зеленое и розовое. Пышные белые воротники-жабо, белые платья в форме трапеции с разноцветными вертикальными полосками и туфли-котурны на высокой платформе. Они проковыляли до конца — было видно, что ходить им трудно, — повернулись, доковыляли обратно и исчезли.

— Фантастика! — восторженно выдохнул Иван. — Где он их берет?

— Не знаю, не знаю, — сказал Леша Добродеев. — Я традиционал, а эти... это... какой смысл?

Кто там прячется во мраке?

— Опт-арт, — сказал Иван. — Визия, праздник для глаз. А традиции надо ломать. На хрен тебе смысл? Ты такое раньше видел?

— Не видел! Кто это наденет?

— Никто. Мода в чистом виде, как идея и зрелище. Смотри, у Рощика морду перекосило — обзавидовался, бедняга!

— А парнокопытные на хрен?

— Изюминка! Африканская визия художника. Кстати, может, смогаемся на сафари? Поохотимся на слонов или тигров! Как идея?

Добродеев хотел ответить «индейка», но только вздохнул: Иван и его дурацкие идеи! Разве в Африке водятся тигры?

Жена мэра повернулась к Регине и выдохнула:

— Потрясающе! Региночка, это просто потрясающе! Так необычно, так свежо! Поздравляю!

Регина кивнула и почувствовала, как сжатая внутри пружина начала понемногу распрямляться. Зрелище, устроенное Чертушкой, ничего, кроме раздражения и неловкости, у нее не вызывало, и она уже представляла, как устроит ему разнос. Даже кулаки сжала в предвкушении. Что он себе возомнил? Устроить балаган, выставить каких-то бомжей... Господи! Зеленые морды, блестящие сердечки... чисто монстры! Хиппарь несчастный! Стыдоба! Совсем крышей поехал. Недаром не пускал на репетиции, крутился как уж на сковородке. А оно, оказывается, необычно и свежо? Получается, она, Регина, ни хрена не понимает? Не врубается? Отстала от мировых трендов? И вообще старая дура? В глазах защипало, она всхлипнула.

— Региночка, как я вас понимаю! — щебетала жена мэра. — Эти слезы... гордость художника! Знаковое событие, которое останется в памяти города! Особенно это трогательное существо с ушами!

Знаковое событие, надо же! «*Останется в памяти...*» Что называется, накликала. Но об этом позже.

Вторая часть шоу была вполне традиционна. Снежана блистала королевой. Весенние туалеты, немыслимо элегантные костюмы и платья, калейдоскоп расцветок, минимум экзотики, классика и легкость. Широкие плечи снова в моде; длинные узкие юбки с разрезом, строгие блузки, короткие жакеты; куртки и жакеты из лайки, а как же! Бархат и велюр! Нежнейшие расцветки: оливковые, бледно-фиолетовые, оттенки мха и старого золота. Розовое и малина снова в моде. Кюлоты в тренде. Туники и легинсы вернулись! Джинсы-скинни и клетчатые рубахи оверсайз. Вечерние платья с торчащими разноцветными перьями на плечах; розовые и голубые невесомые облака рюшей и оборок; открытые спины, угловатые плечи, тонкие ключицы, острые немыслимой красоты коленки; легкие движения — воинствующая женственность, стиль, восторг. И главное, почти классика. Изюминка — свадебные платья! Узкие, длинные, короткие, открытые и закрытые, розовые, кремовые, голубые. И главная изюминка... Суперизюминка, гвоздь программы и фурор: длинное белое платье с пышной юбкой, на тонких бретельках, расшитое стразами. Снежана, конечно. С гладкой прической, в руках букетик мелких палевых роз, глазки опущены. Невинность и шик. Она идет медленно — выступает! Покачивается пышная юбка, вспыхивают стекляшки, сияют плечи; она восхи-

Кто там прячется во мраке?

нительно красива, до слез, как мечта, как... цветущее дерево!

Публика поднимается, хлопают сиденья, крики и аплодисменты...

...Потом, как водится, фуршет, поздравления, шампанское, интервью, бурный обмен восторгами. Игорек чувствует себя именинником, Регина ревнует, но без фанатизма — славы хватит на двоих. Шампанское, канапе и крекеры, оливки, креветки, листики салата. Очень тонко, на один зуб. Экономная Регина была против, но Игорек настоял. Не надо жалеть на представительство — его девиз. А еще: noblesse oblige!¹ Что примерно то же самое.

Украшение приема — девушки, появившиеся в зале. Их встречают аплодисментами. Ослепительная Снежана в узком платье белого атласа, с синими камешками на шее и в ушах; Тамара в зеленом костюме: короткий жакет из глянцевиной жесткой ткани и юбка в пол; Алина в синем кимоно с драконами, Сандра в огненно-красном с рюшами и оборками, с каскадом сверкающего бижута на шее и руках. С ними фотографируются и суют программки для автографа; дипломированный фотограф Иван Денисенко взмок, в полнейшем восторге бегая по залу в поисках удачного ракурса. Леша Добродеев хватается присутствующих за руки и устраивает блиц-интервью.

Около Снежаны представительный молодой человек, заметно, что они близки. Кто-то пустил слухок, что это жених. Леша Добродеев подскочил, оттеснил желающих пообщаться и выпалил:

¹ Noblesse oblige (*фр.*) — положение обязывает.

— «Вечерняя лошадь»! Лео Глюк! Вы сегодня самая красивая пара! А вы, Снежаночка, самая красивая модель Дома «Икеара-Регия»! Говорят, вскоре мы услышим звон свадебных колоколов... Короче, наших читателей заинтересует, когда свадьба.

У «Вечерней лошади» та еще репутация! Новости, слухи, сплетни, откровенное вранье, выволакивание скелетов, разоблачения, интервью с местными и заезжими знаменитостями, а также свидетельства очевидцев на тему барабашек, привидений и пришельцев из космоса. Попса на все вкусы.

Снежана и молодой человек переглянулись; девушка улыбнулась, парень приобнял ее за плечи:

— Не скажем!

— Значит, правда? — наступал Добродеев.

— Конечно, правда! — Рядом с ним появился Иван Денисенко. — Позвольте на память! Совет да любовь! — Он затанцевал вокруг пары, клацая камерой.

— Горько! — закричал кто-то, и остальные подхватили: — Горько!

Снежана смутилась и покраснела, молодой человек обнял ее, и они поцеловались. Взрыв аплодисментов.

... Через час прием увял, оставались считанные гости, официантки убирали пустые тарелки. Леша Добродеев и Иван Денисенко принимали водку, случайно оказавшуюся в кофре фотографа, и закусывали остатками крекеров с салатными листиками.

Регина была измотана — подъем прошел, она чувствовала себя выжатым лимоном; девушки исчезли одна за другой. Последней, послав всем дюжину воздушных поцелуев, при-

Кто там прячется во мраке?

танцовывая, ушла Сандра, умудрившаяся хватить лишку. Померкла парадная люстра; Регина упала на стул и расстегнула блузку; Игорек сел рядом, взял ее руку и поцеловал. У нее не хватило сил удивиться, она просто кивнула. И тут вдруг дикий вопль резанул уши, на пороге появилась визжащая Сандра. Вид ее был страшен...

Глава 4 Спасите наши души!

Приподнимет
Гордо морду,
Гордо стянет
Профиль птичий...

И. Уткин.

«Стихи красивой женщине»

Федор Алексеев проснулся от резких тактов «Голубой рапсодии», протянул руку и похлопал по журнальному столу, пытаясь нащупать айфон. Он дремал, и ему снился сон: пляж, красивые девушки, блики солнечного света на речной ряби. Он лежал на теплом песке, испытывая умиротворение и покой от горячего солнца, гомона народа, шлепков ладоней по мячу, от того, что не нужно спешить — летние каникулы, никто нигде его не ждет.

Звонок вытолкнул его из сна, он попытался удержать в памяти картинки, но они таяли на глазах, оставляя после себя пустоту. Увидев имя звонившего, он удивился, и первым его побуждением было не принимать звонок. Но он тут же устыдился и произнес:

– Регина? Здравствуй!

– Федя, у нас беда! – Вопль Регины резанул уши. – Только на тебя вся надежда! Федечка, помоги! Господи, я не выдержу!

– Регина... Что случилось? Ты меня пугаешь.

– Ты не можешь прийти? Сейчас! Пожалуйста!

– Я простудился, лежу... Что-нибудь серьезное?

– Убийство! Федечка, у нас убийство! Ты придешь?

– Приду, – сказал Федор после паузы. – Через час.

...Сандра пронзительно визжала, схватившись за голову. Народу в зале оставалось уже немного. «К счастью, – как потом выразилась Регина. – Меньше паники». Они сидели на диванчике, она и Чертушка, уставшие, в приподнятом настроении, заключив негласное перемирие. Игорек снова поцеловал ей руку, чем окончательно вышиб из колеи – она даже прослезилась. И тут вдруг появилась Сандра. Вид ее был страшен!

– Господи, – пробормотала Регина, – чего она вечно орет? В чем дело?

Игорек поднялся, подошел, тряхнул девушку за плечи. Сандра перестала кричать и уставилась бессмысленно. Все смотрели в их сторону.

– Ну? – спросил Игорек.

– Там... – Сандра взмахнула рукой. – Она там!

– Пошли, покажешь! – Игорек вытолкнул ее из зала.

Регина, не желая ничего пускать на самотек, бросилась следом. Леша Добродеев и Иван Денисенко, переглянувшись, тоже выскочили из зала. Несколько уходящих гостей задержались, полные любопытства. Спустя минуту вся

Кто там прячется во мраке?

компания сгрудилась на пороге гримерки. Регина издала сдавленный звук и закрыла рот рукой. В кресле у зеркала лежала Снежана; им бросились в глаза ее запрокинутая голова, окровавленное лицо и безвольно свесившиеся руки; разорванное у ворота белое платье было залито кровью. Изящная белая лодочка на невысоком каблуке отлетела на середину комнаты...

— ...Знаешь, Федя, это был ужас! Я подумала, она еще жива, бросилась к ней, схватила за плечо, а Игорь оттащил, слава богу! — Регина всхлипнула. — Я прямо растерялась! Сандра рыдает, Иван фоткает, лезет под руки, стоим как дураки. Потом Игорь позвонил в «Скорую», а те уже вызвали полицию. А тут жених с криками: рвется к ней, начал трести и звать! Леша с Иваном его скрутили. А дальше вообще кошмар! Коля Астахов, твой дружбан между прочим... слух был, что его убили. Живой! Все перевернули, обыскали, вывернули наизнанку. Гостей задержали и допросили! Почти все разошлись. Он не рассказывал? — Федор покачал головой. — Спасибо, что приехал, Федечка, я им не верю ни на грош! Вся надежда только на тебя. Помню, как ты раскрутил убийство той тележурналистки...

— И певички из «Английского клуба», — добавил Игорек¹.

— Как ее? — спросил Федор. — Ножом?

— Задушили. На шее были красные пятна. Шнуром или шарфом...

¹ Подробнее читайте об этом в романах Инны Бачинской «Лучшие уходят первыми» и «Отражение бабочки».

– А кровь откуда?

– Они ничего не сказали, но мы думаем, ее несколько раз ударили лицом об стол – там тоже была кровь, – а потом задушили. Или сначала задушили... Бедная Снежана!

– Ее никто не трогал? Со стола ничего не брали? Регина, ты сказала, что бросилась к ней...

– Никто! Я дотронулась, чуть-чуть... Игорь не пустил. Честное слово! Никто даже не подходил. Только Руслан... он думал, она живая.

– Я вызвал «Скорую», – сказал Игорек. – Не мог поверить...

– Такой замечательный показ, все довольные, прием на высоте, и вдруг такое! Снежана... Бедная девочка! – Регина всхлинула. – Наша прима! Лучшая модель, актриса и красавица, замуж собиралась... Руслана прямо трясло всего! Это жених... До сих пор не могу опомниться!

– Фотографии есть?

– Есть! – Игорек протянул Федору целую пачку. – Ее звали Снежана Рубович. То есть на самом деле она Людмила Людмила Рубович.

– Сколько у вас моделей?

– Четыре... пять девушек и один парень.

– Как давно они работают?

– Несколько лет. Только двое недавно – Юлька... Юлий Крещановский – год, Аня Кулик – четыре месяца. Она уборщица, в показе участвовала впервые.

Федор Алексеев рассматривал фотографии. Они стояли, отражаясь в зеркалах, посередине небольшой ярко освещенной гримерной: бледный Федор с трехдневной щетиной, в черном свитере и джинсах; длинный тонкий Игорек в ли-

Кто там прячется во мраке?

ловом пиджаке и таких же обтягивающих штанах; поникшая, совершенно непохожая на себя Регина в скромном темном платье, страшная, без грима...

— Что дал обыск? — спросил Федор. — Нашли, чем ее?..

— Не знаю! — воскликнула Регина. — Выдвинули ящики, вытащили личные вещи из шкафчиков, допросили всех, кого поймали. Держали три часа! Жениха вывернули наизнанку — где был, когда видел в последний раз... Ужас! От нас теперь шарахаться будут!

— Напротив, — сказал Игорек. — Теперь про нас узнают все. Народ валом повалит. Плохой рекламы не бывает.

Регина только рукой махнула.

— Пропало кольцо, что Руслан подарил, — сказал Игорек. — Оно слишком яркое — синие камни, — я попросил не надевать. А в зале она была уже в нем. И одна сережка. Вторая осталась. Есть фотки. При обыске ни кольцо, ни сережки не нашли. Я бы не удивился, если бы убили из-за них.

— А где был жених?

— Ожидал внизу. Она пошла взять шубу, сказала мигом. Они раздеваются здесь, гардеробная тут же, за дверью, — он кивнул на дверь в торце комнаты. — У каждой свой шкафчик. Через двадцать минут он пошел за ней, а тут Сандра навстречу! Она уже уходила, зашла забрать вещи и увидела Снежану. Начала орать, все повыскакивали из зала, никто ничего не понимает, а она орет как резаная! Прибегаем и... о господи! Я надеялась, что она живая... Мы все надеялись. Знаешь, невозможно поверить — каких-то двадцать минут назад живая, а тут вдруг... А потом началось!

— Приехали... Бригада! — подхватила Регина. — Топают, всюду лезут, вытаскивают личные вещи, бюстье там, белье,

косметику... так все грубо, бесцеремонно! Даже коробочки с чаем и кофе! Нашли бутылку водки... Твой дружбан, между прочим! И так ехидно, даже не ожидала: «Расслабляетесь?» Люди хотели уйти, а они всех допросили, переписали и только потом отпустили. Ее увезли, а мы остались...

— Время убийства известно?

— Известно, — сказал Игорек. — Иван Денисенко ее снимал, на снимках дата и время. Последняя фотка в десять пятьдесят семь, она уже в дверях была — повернулась и помахала. Попрошалась. А Сандра прибежала в одиннадцать двадцать три, в коридоре часы на стене, я заметил время, когда мы выскочили. Двадцать шесть минут. Минус пару минут, пока она бежала... Сандра. Получается, примерно двадцать четыре.

— А где были остальные девушки? И парень?

— Тамара Голик ушла, по-моему, чуть раньше; Алина Ким ушла сразу после показа, на прием не осталась, она у нас «вещь-в-себе» и держит дистанцию. Юлька тоже ушел, не его компания. К сожалению, камера на выходе из Дома вышла из строя. Аня была здесь, убирала, я хотел затащить ее в зал, но она ни в какую — стеснялась. Потом ушла Снежана, и осталась одна Сандра: она у нас любит потусоваться на публике. Она уходила последней.

— Алина была на приеме! — сказала Регина. — Я приказала всем быть, хотела снимки с гостями.

— Точно! Недолго, — сказал Игорек. — Ани и Юльки не было вообще.

— Понятно. То есть когда уходила Снежана, из ваших оставалась одна Сандра?

— Вроде да.

Кто там прячется во мраке?

— А гости? Кто был в зале?

— Оставалось человек одиннадцать, почти все уже разошлись. Кое-кто еще был внизу. Когда Сандра стала кричать, они кинулись навверх. В зале были Леша Добродеев, Иван Денисенко и Рощик — Рощенко, конкурент. Леон Маркин крутился, мы с Региной не в счет. Если с нами, то тринадцать. Чертова дюжина. Все вроде.

— Без Рощика не обошлось, — сказала Регина. — Он способен на любую подлянку.

— Рощик мухи не обидит, — сказал Игорек. — Язык как помело, согласен. Но чтобы убить? Категорически нет!

— Ты откуда знаешь? — пробурчала Регина. — Еще Ленька Маркин крутился.

— Кто такой Ленька Маркин?

— Аферист из Парижа, не пропускает ни одного показа, всюду лезет... без мыла. Леон Маркин... Федя, поможешь? Нам же ничего не говорят!

Федор достал носовой платок и высморкался.

— Если смогу. Надо бы поговорить с девушками и женихом. Кто он такой?

— Руслан Бродский, у него строительный бизнес. Я позвоню, попрошу встретиться с тобой. Девушки всегда под рукой. Когда?

— Завтра в десять. Начнем... — Он замылся на миг. — Начнем с Сандры. Значит, Сандра в десять. С кем Снежана дружила?

— С Тамарой Голик.

— Следующая Тамара. Потом уборщица, как ее?

— Анна Кулик.

– Да. Потом та, которая ушла... Алина, кажется? И молодой человек, Юлий Крещановский. Примерно по полчаса на душу. А потом жених. С ним я встречаюсь в городе. Кто из охраны дежурит? У вас амбал на входе, он?

– Он. Стас Зубов. Их двое. Второй болеет уже неделю.

– Камеры?

– Есть. Одна – в зале, другая – внизу на выходе. Как на зло, нижняя вырубилась в девять с минутами. Твой дружбан забрал записи. Могу дать запись дефиле и приема, – сказал Игорек. – Посмотришь на девушек. Может, сам захочешь. – Он ухмыльнулся. – Всегда примем.

Это была старая история – Игорек и Регина приглашали Федора в «мужские модели»: как раз такой и нужен, говорила Регина, красавчик и фигура, подумай, Федя. Федор отбивался, Регина приставала и требовала; Игорек хихикал и закатывал глаза.

– Давай посмотрю. Тогда все. До завтра.

– Куда? – Регина схватила его за рукав. – Не пущу! Ты же совсем больной! Сейчас мы тебя поправим народным средством, по бабкиному рецепту. Стас потом доставит домой.

Федор попятился:

– Ребята, я лечусь дома, накопил всего... Врач был. Все в норме. Мне уже лучше, честное слово!

– Игорьь, держи его! – приказала Регина; она уже утерла слезы и пришла в себя. – Ничего не хочу слушать!

Кончилось тем, что они оказались в кабинете Регины. Она достала бутылку виски, стаканы и блюдце с нарезанным лимоном, разлила:

Кто там прячется во мраке?

— За успех! Поехали, Федя! Это тебе не отравка из аптеки, чистый продукт. Все как рукой снимет. Ну! Первая колом! За здоровье!

Игорек подмигнул Федору; они чокнулись и выпили...

— Вторая соколом! — скомандовала неугомонная Регина. — За истину!

Они снова выпили. Федор попытался ускользнуть, но не тут-то было.

— Третья — мелкой пташечкой! — объявила Регина. — За нас!

Глава 5 Цветник... или рассадник?

Ты — женщина, ты — книга между книг,
Ты — свернутый, запечатленный

свиток;

В его строках и дум и слов избыток,
В его листах безумен каждый миг.

Валерий Брюсов. «Женщине»

...Она сидела перед Федором: пышная, с торчащей дыбом львиной гривой, в синем платье с глубоким декольте, увешанная блестящими побрякушками, слишком крупная для моделек. Рассматривала его. Он, в свою очередь, скользнул взглядом по ее лицу... Сандра! Выпуклые карие глаза Сандры напоминали кофейные зерна на белом фарфоре, вывернутые губы сверкали лиловой с золотыми искорками... помадой? Лаком? Федор затруднился с определением: среди его знакомых женщин с подобной экзотикой не наблюдалось.

Ее кожа была теплого и приятного глазу цвета молочного шоколада. Она сидела перед ним, грудь вперед, забросив ногу на ногу и сцепив руки на коленях. Он заметил, что у нее поразительно красивые руки с длинными лиловыми ногтями... с золотыми узорами! Фамилия Сахно плохо вязалась с ее внешностью. Дитя любви и страсти, сказал Игорек: папа из Танзании, мама наша, сгоряча вышла замуж, а потом сбежала, не выдержала африканской экзотики.

— Добрый день, Сандра, — сказал Федор. — Спасибо, что согласились встретиться. Меня зовут Федор Алексеев, я...

— Знаю! Игорек сказал, вы — профессор из университета! — ухмыльнулась Сандра, беспардонно разглядывая Федора. — Он сказал, вы — частный детектив и у вас свой дедуктивный метод, а еще вы консультируете полицию и сразу просекаете, кто убийца. Я первая ее увидела! — похвасталась она. — Все уже разошлись, я тоже собиралась, пошла за пальто, вхожу, а Снежана в кресле перед зеркалом... Ну, думаю, никак не налюбуется! Горел один светильник, полумрак... Я еще подумала: что, интересно, в такой темноте можно увидеть? Присмотрелась... — Она ахнула и приложила ладони к щекам. — А там кровь! У нее все лицо в крови! Белое платье в крови, на столике все залито. И туфля посередине комнаты — я споткнулась! Прямо застыла вся, не могу пошевелиться, чувствую, сейчас упаду! И голос пропал! Хочу закричать и не могу! А потом как закричу! Выскочила оттуда, прибегаю в зал, кричу, не могу остановиться! И главное, чувствую, что кто-то бежит следом и сейчас ка-а-ак схватит!

У девушки была выразительная мимика, она кричала и размахивала руками, не забывая стрелять глазами и по-

Кто там прячется во мраке?

правлять свою пышную гриву. Федор поднял руку, остановившая ее, и спросил:

— Сандра, вы никого не заметили в коридоре? Когда шли в гримерную и потом? Вам показалось, что за вами кто-то бежал...

Она замолчала, уставившись на него, словно переваривая вопрос, и Федор подумал, что она напоминает остановленную на скаку лошадь.

— Не заметила, — сказала она не сразу. — Там никого не было. Если честно, я боялась оглянуться. Может, и бежал. Все уже разошлись, оставалось всего несколько человек. Регина Павловна, ее подруги, еще фотограф Иван Денисенко... он говорит, что художник, и журналист Леша Добродеев из «Вечерней лошади». Все свои. А я бегу и кричу, прибегаю в зал и кричу, не могу остановиться! Игорек подсакивает, хватает меня и трясет, а я не могу остановиться! Никогда не забуду! Колье пропало! И еще сережка! Ее убили из-за колье! Она после показа надела... с сапфирами.

— Понятно. А жених Снежаны там был?

— Руслан? Его не было. Он ждал ее внизу, а она пошла за шубой. Он говорит, что прождал ее двадцать минут или даже больше и пришел посмотреть, в чем дело, а тут мы все и она в кресле! Он бросился к ней, приподнял, стал звать, а Иван и Леша его схватили и оттащили. А у нее лицо в крови, платье тоже, на столике кровь... На полу! Ужас! Регина кричит: вызывай «Скорую», может, жива! Игорек чуть в обморок не упал: он боится крови. Все стоят и молчат, а Игорек уже звонит... Знаете, сейчас все как в тумане, реально плохо помню, только как коленки подламываются, упала на диванчик... Анюта побрызгала на меня водой и валерьян-

ки накапала. Она первый раз в дефиле, вообще работает уборщицей, ее Игорек притащил, а Регина была против, они страшно поругались, но Игорек настоял. Классно получилось! С кенгуру и зеброй, публика вообще в отпаде. А тут вдруг такое... Я не верила, что убийство, думала, потеряла сознание и ударились лицом... ну там, кровь из носа, а потом оказалось, что ее задушили! А кровь откуда? Я думаю... — Сандра понизила голос: — Он ее задушил, а потом разбил лицо об стол!

— Он?

— Э-э-э... он? — повторила она, недоумевая.

— Вы сказали «он задушил». По-вашему, это был мужчина? Долгую минуту Сандра смотрела на него бессмысленно, потом отвела глаза. Задумалась. Федор ждал.

— Ну а кто? — сказала она после паузы. — Женщины больше ядом травят, во всех детективах показывают. Страшно вот так взять и задушить. И силу надо иметь какую... — В глаза Федору она больше не смотрела.

— Что она за человек? Была...

— Снежана? — Сандра облизнула губы. — Красивая очень. Самая красивая... Прямо Снежная королева. Регина Павловна ее очень любила. Прямо обожала.

— Вы дружили?

— Я с ней? Нет, конечно! Она была высокомерная, нос драла до потолка. Она только с Тамарой дружила, они у нас самые старые... в смысле, раньше всех пришли.

— Конфликты были?

— Ну... — Она снова отвела глаза. — Понимаете, у всех свой характер, все на нервах, любое слово может обидеть. Не то чтобы конфликты, а так, по мелочам.